
Имам Якуб Халеков и мусульманская община советского Петрограда—Ленинграда

Ренат Беккин

Imam Yaqub Khalekov and the Muslim community in Soviet Petrograd—Leningrad

Renat Bekkin

*(Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Södertörn University, Stockholm, Sweden)*

За последние два десятилетия появилось немало публикаций, посвящённых судьбам имамов магометанских приходов Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в.: Габдулвахид Сулейманов¹, Атауллы Баязитова², Мухаммед-Шакира и Мухаммед-Зарифа Юнусовых³. Особый интерес у исследователей вызывает фигура первого имама-хатиба⁴ Соборной мечети Петрограда советского периода Мусы Джаруллы Бигеева⁵, что связано в основном с богатым интеллектуальным наследием этого учёного. К сожалению, некоторые работы по рассматриваемой тематике представляют собой скорее панегирики, чем научные исследования: вместо реальных людей, живших в данную эпоху в определённой среде, перед читателем предстают «картонные герои»⁶.

© 2017 г. Р.И. Беккин

Автор выражает признательность А.Я. Разумову и Г.А. Баутдинову за ценные сведения, без которых эта статья не была бы написана.

¹ *Сенюткина О.Н.* Габдулвахид б. Сулейман б. Салюк: [Габдулвахид Сулейманов к 220-летию со дня рождения]. Н. Новгород, 2006.

² *Гафурова А.Ш.* Татарская газета «Нур» в Санкт-Петербурге и её основатель Атаулла Баязитов. СПб., 2003; *Мухаметшин Р.* Гатаулла Баязитов (1847–1911) // Татарские интеллектуалы: исторические портреты / Сост. Р.М. Мухаметшин. Казань, 2005. С. 51–57; и др.

³ *Юнусов К.О.* Ислам в Санкт-Петербурге. Татары Санкт-Петербурга, мулла М.З. Юнусов и строительство соборной мечети... // Арабская вязь. Статьи, доклады, воспоминания. СПб., 2012. С. 252–262.

⁴ В обязанности имама-хатиба входило чтение проповеди (хутбы) во время пятничных и праздничных намазов.

⁵ *Хайрутдинов А.* Последний татарский богослов: (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигеева). Казань, 1999; *Тагирджанова А.Н.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010; и др.

⁶ Например, большинство авторов, пишущих об А. Баязитове, представляют его как единственного инициатора строительства Соборной мечети в Санкт-Петербурге (*Гафурова А.Ш.* Свет через столетие // Казань. 2000. № 12; URL: http://tatarica.narod.ru/archive/03_2004/81_30.03.04-5.htm. Дата обращения: 1.08.2016). Некоторые исследователи называют Баязитова, стоявшего на охранительных позициях, «едва ли не самым последовательным реформатором-модернистом» (*Гафаров А.А., Набиев Р.А.* Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX — начале XX в. // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 128).

Тем не менее историки пока не изучали жизненные пути и духовное наследие других имамов советского Петрограда—Ленинграда⁷, один из которых — имам-хатиб Соборной мечети в 1920—1931 г. Якуб Кемалевич Халеков (Халиков)⁸. Данная статья, основанная главным образом на не исследованных ранее документах, — один из первых шагов на пути написания биографии этого выдающегося человека.

Халеков родился в декабре 1887 г. в деревне Ключищи (Суыксу) Сергачского уезда Нижегородской губ. в семье крестьянина, в 1909 г. окончил медресе в Казани, в конце 1909 г. или в начале 1910 г. вместе с женой Разией и братом Махмудом прибыл в Вологду. О жизни Якуба Кемалевича до 1910 г. известно крайне мало, а его деятельность как имама условно можно разделить на три периода: вологодский (1910—1917), петроградско-ленинградский (1920—1931) и орехово-зுவский (1948—1950).

В январе 1910 г. собрание, состоявшее из 31 мусульманина Вологды, решило собрать денежные средства на устройство в городе молельни и пригласить муллу⁹; духовные требы тогда временно исполнял Гайнан Галиев¹⁰. 27 августа того же года¹¹ 28 вологодских мусульман (достигших 25-летнего возраста)¹² на общем собрании единогласно избрали крестьянина Якуба Халекова муллой на три года¹³. Он должен был проводить религиозные обряды среди гражданских лиц и расквартированных в городе военнослужащих, получая при этом 25 руб. (собирались с мусульман).

Однако 12 января 1911 г. Вологодское губернское правление отклонило ходатайство верующих об утверждении Халекова муллой, так как согласно ст. 1416 Устава Духовных дел иностранных исповеданий, мусульманские муллы и имамы могли состоять лишь при мечетях, а в Вологде таковой не имелось. Постройка же мечети не представлялась возможной, поскольку в городе проживало на тот момент всего 69 мусульман мужского пола, а согласно действовавшему законодательству (ст. 155 Устава строительного) для сооружения мечети требовалось постоянное проживание в населённом пункте не менее 200 мужчин (в том числе несовершеннолетних).

Но в ноябре 1911 г. по рекомендации, поступившей из Министерства внутренних дел¹⁴, Халекова всё же утвердили в должности муллы. Кроме того,

⁷ Исключение составляет лишь Г.Н. Исаев (1907—1983) — первый имам-хатиб мечети после её открытия для верующих в 1956 г. Подробнее о работе Исаева в Ленинграде см., например: *Тагирджанова А.Н.* Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. СПб., 2014. С. 105—111.

⁸ В некоторых документах встречается фамилия Халиков. Поскольку Якуб Кемалевич подписывался в основном как Халеков, в данной статье этот вариант и используется.

⁹ *Загидуллин И.К.* История мусульманской общины Вологды // Ислам минбаре. 2011. № 188—189 (URL: www.idmedina.ru/minbare/?2418). Дата обращения: 1.08.2016).

¹⁰ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 14, оп. 1, д.7105, л. 9.

¹¹ Здесь и далее все даты до 1918 г. указаны по старому стилю.

¹² По сведениям, представленным Халековым в 1915 г. губернскому начальству, большинство вологодских мусульман занималось разносной торговлей (ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д.7105, л. 73—77 об.).

¹³ Там же, л. 9.

¹⁴ В июне 1911 г. товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский писал вологодскому губернатору, что «постановление губернского правления (от 12 января 1911 г. — *Р.Б.*) не находит в себе прямого основания в... статье закона. Равным образом оно не вытекает и из общего духа нашего вероисповедного законодательства» (Там же, л. 42). Чиновник рекомендовал губернатору обратиться в установленном законом порядке в Правительствующий Сенат с представлением об отмене указанного постановления. Кроме того, Крыжановский просил проинформировать его о тех мерах, которые будут приняты для «предоставления проживающим в Вологде мусульманам возможности удовлетворять их религиозные потребности» (Там же, л. 42 об.).

в июне 1911 г. губернское начальство в соответствии с той же рекомендацией обратилось в Правительствующий Сенат за разъяснением вопроса о возможности создания в городе мусульманского прихода.

Под руководством Халекова мусульмане собирались на пятничные и праздничные намазы, а имам вёл метрические книги¹⁵. В начале 1912 г. (по данным, приведённым Якубом-хазратом¹⁶, количество мусульман в Вологде, а также в Грязново, Череповце и Галиче достигало 224 лиц мужского пола¹⁷) вологодские мусульмане предприняли новую попытку зарегистрировать приход и начать сбор средств на строительство мечети, но безуспешно.

Переписка между ведомствами по этому делу затянулась. Представление об отмене постановления губернского правления от 12 января 1911 г. по причине возникших разногласий между сенаторами поступило в Государственный совет. 20 января 1915 г. его Первый департамент признал данное постановление «правильным и рапорт об отмене его подлежащим оставлению без последствий»¹⁸, что означало недопущение в Вологде мусульманского прихода. Но в том же месяце директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Е.В. Менкин направил вологодскому губернатору В.А. Лопухину письмо, в котором рекомендовал в виде исключения открыть приход, указав, что в противном случае возникнет «вполне справедливое недовольство среди бывших прихожан, особенно нежелательное в переживаемое нами военное время»¹⁹.

Дело сдвинулось с мёртвой точки, но официально зарегистрировать мусульманский приход удалось лишь в феврале 1916 г., после обращения к императору министра внутренних дел²⁰. Деятельность прихода прекратилась в связи с революционными событиями 1917 г.

В Петроград Халеков (с семьёй) переехал в 1918 г.²¹, как и многие тогда, спасаясь от бедствий Гражданской войны. В городе на Неве проживал его тесть — Ибрагим Ибрагимович Батырбаев, управляющий имением князей Касаткиных-Ростовских. Батырбаев, как человек, обладавший безупречной репутацией в среде столичных мусульман, долгие годы выполнял функции казначея Мусульманского благотворительного общества и казначея Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге (с 1920 г. о судьбе Батырбаева ничего неизвестно, однако в городе остались его сыновья — Сулейман и Хус(с)ейн, поддерживавшие с Халековым дружеские отношения).

Несколько месяцев Якуб Кемалевич был занят в качестве рабочего Восточного продовольственного магазина, затем десятника ассенизаторского обоза. Остальное время бывший имам оставался безработным, перебиваясь случайными заработками и получая поддержку от тестя.

В 1920 г. по приглашению Лутфуллы Исхакова (бывшего имама 4-го магометанского прихода Петербурга) и Мусы Бигеева Халеков начал выполнять

¹⁵ Там же, л. 86.

¹⁶ Хазрат — уважительное обращение к мусульманскому религиозному деятелю.

¹⁷ Загидуллин И.К. Указ. соч.

¹⁸ ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д. 7105, л. 86 об.

¹⁹ Там же, л. 87.

²⁰ Монаршей волей министру внутренних дел было предоставлено право в особых случаях (например, при отдалённости населённого пункта от зарегистрированной приходской мечети) позволять сооружение мечети в обход действующих правил.

²¹ До этого он почти год учительствовал в Вологде (Архив Центра «Возвращённые имена» при РНБ. Анкета Халекова Я.К., л. 17).

обязанности имама в Соборной мечети. Несмотря на то, что значительное число верующих (прежде всего, мусульманской интеллигенции) покинуло город в годы Гражданской войны, в Петрограде ещё оставались яркие представители дореволюционной татаро-мусульманской общины. Часть их позднее эмигрировала, многие ушли из жизни. Так, в 1922 г. в Финляндию нелегально переехал Исхаков.

С Бигеевым Халеков был знаком ещё до революции, но подлинная дружба между Якубом-хазратом и Мусой-эфенди²² сложилась после 1920 г. «Я иногда к нему ходил как к человеку, пользующемуся известностью и уважением среди татар, — отмечал Халеков. — Я от него иногда получал разъяснения по религиозным вопросам. Бигеев ставит целью в своей повседневной деятельности поднять мир ислама, дать ему возможность пользоваться своими правами, учением ислама надо объединить мусульманский народ, создать какой-то центр мусульманского вероучения, направив его на познание народами других культур, и только тогда мусульманство может жить и развиваться во всех направлениях»²³. Отвечая на вопрос о собственных взглядах на ислам, Халеков говорил: «Я сторонник “ислама”, но смотрю на его ученье как на форму, призывающую к культуре мусульманский народ, т.е. ученье ислама не должно существовать абстрактно от культурного развития»²⁴.

В первой половине 1920-х гг. советская власть сдержанно относилась к мусульманам²⁵. Однако в городе Ленина и колыбели трёх революций любая ошибка или неверное действие со стороны верующих могло привести к неадекватно жёсткой реакции со стороны властей. Так, после Кронштадтского восстания 1921 г. из города были выселены многие подозрительные, с точки зрения советской власти, элементы. Среди таковых оказалось немало татар. В 1927 г. мусульманскую мечеть в Кронштадте, функционировавшую с 1870 г., закрыли. Этому предшествовал арест и высылка в 1926 г. имама и трёх членов «двадцатки» при молельне. Впоследствии по такому же сценарию закрыли и Соборную мечеть в Ленинграде — с той лишь разницей, что временной разрыв между арестом руководителей общины и самим закрытием мечети занял почти десять лет. Перед новым имамом стояла важная задача — сохранить единство мусульман города в условиях разворачивавшейся антирелигиозной борьбы.

Как видно из материалов «дела Бигеева», Халеков пользовался авторитетом у верующих Ленинграда. По данным ОГПУ, в дни праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам в Соборную мечеть приходило около 5–6 тыс. человек (около 20–25% татарского населения города)²⁶.

Знаковым событием для мусульманской общины стало посещение 11 мая 1928 г. Соборной мечети афганским падишахом Амануллой-ханом. Среди встречавших его на Московском вокзале были представители «татарской

²² Эфенди — вежливое обращение к мужчине.

²³ Архив Центра «Возвращённые имена»... Обвинительное заключение по следственному делу № 111999 по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом (в оригинале опечатка: Якубой. — Р.Б.) и Басыровым Кемалем, в пр.пр.ст. 58–4 УК (далее — «Дело Бигеева»), л. 170.

²⁴ Там же. Протокол допроса Халекова Я.К. от 22 февр. 1931 г., л. 172.

²⁵ Подробнее о государственной политике в отношении мусульман в 1920-х гг. см.: *Арапов Д.Ю.* Ислам и мусульмане (По материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год). Вып. 1. М., 2010. С. 11–24.

²⁶ Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 369.

колонии» города на Неве²⁷: «Кавказские ребята, обучавшиеся в Ленинграде, обязательно имели в своём гардеробе черкеску. Однажды, узнав, что в Ленинград прибывает руководитель Афганистана Аманулла-хан, дагестанские студенты... надели свои черкески и вышли встречать гостя. Аманулла-хан пожелал непременно с ними сфотографироваться на фоне ленинградской мечети, и эта фотография большого формата долго висела в витрине ТАСС на Невском проспекте»²⁸. Следует отметить, что почти 30 лет спустя (1956) благодаря визитам гостей из стран мусульманского Востока Соборная мечеть была открыта для верующих²⁹. Это приводит к выводу, что власти города всегда были вынуждены учитывать международный фактор и потому не закрывали мечеть. Кроме того, они не могли проигнорировать и потребность татар Ленинграда в исполнении религиозных предписаний.

Большое значение для Соборной мечети и её служителей имела помощь со стороны татар-торговцев. В ноябре 1921 г. председатель Мусульманского общества при Соборной мечети М.-А. Максудов обратился в Петроградский совет с просьбой разрешить татарам, проживавшим в городе, вести торговлю в разнос, в том числе старьём. Власти дали согласие³⁰. В 1920-х гг. татаро-мусульманская община Петрограда–Ленинграда увеличилась за счёт прибывших из голодающего Поволжья и бежавших от раскулачивания. Бывшие кулаки из нижегородских деревень отправлялись к своим землякам в город на Неве и находили поддержку. Но к концу 1920-х гг. оставшиеся в городе предприниматели стали сворачивать деловую активность, некоторые эмигрировали в Финляндию, как, например, Гумер Сали, владевший несколькими мануфактурными магазинами в Ленинграде. В 1926 г. он нелегально пересёк советско-финляндскую границу и навсегда покинул Советский Союз. Поэтому нельзя исключать, что один из главных обвиняемых по делу Бигеева – мулла Басыров³¹ – вполне мог произнести приписываемые ему свидетелем К. Бедрятдиновым слова: «в Финляндии живётся лучше, здесь татар притесняют, а там свободно... наши татары приспособлены торговать, а советская власть это не разрешает. В Финляндии этого нет»³².

Татары, перебравшиеся в страну Суоми, продолжали оказывать материальную помощь своим землякам-ленинградцам (до 1930-х гг. советско-финляндская граница была «прозрачной»). Среди основных спонсоров татаро-мусульманской общины Петрограда–Ленинграда были Зинетулла Ахсан Бёре³³, Сали, а также Жемалетдинов и братья Аляутдиновы.

Татары Финляндии сыграли важную роль в деле освобождения Бигеева. В 1923 г. его арестовали в Москве после публикации им в Берлине книги

²⁷ Тагирджанова А.Н. В костёле мог бы звучать азан... // История Петербурга. 2008. № 2(42). С. 56.

²⁸ Первый строитель Дагестана // Дагестанская правда. 2009. № 46–47 (URL: <http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/5152/>). Дата обращения: 1.08.2016).

²⁹ Тагирджанова А.Н. В костеле мог бы звучать азан... С. 59.

³⁰ Данное заявление находится среди пока необработанных документов, поступивших в Государственный музей истории религии после закрытия Соборной мечети в 1940 г.

³¹ В 1920–1928 гг. Басыров возглавлял мусульманский приход на Большой Московской ул., д.1/3 и проводил религиозные обряды среди мусульман Детского Села (ныне г. Пушкин).

³² Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 373.

³³ Подробнее о Бёре см.: *Suikkanen M. Yksityinen Susi – Zinetullah Ahsen Bören (1886–1945) eletty ja koettu elämä, pro gradu – tutkielma. Tampere, 2012.*

«Азбука ислама»³⁴. Узнав о случившемся, финские татары обратились к турецкому правительству с просьбой вмешаться. Вскоре после вмешательства властей Турции Муса-эфенди был освобождён из-под ареста, но ему запретили покидать пределы Москвы в течение двух лет.

Турецкие дипломаты в Москве старались по возможности оказывать поддержку обращающимся к ним татарам. Не случайно имаму Басырову, окончившему медресе в Константинополе, вменялось в вину: «будучи реакционно-националистически настроенным, использовался турецким посольством как информатор, кроме этого получаемые книги им из посольства носили пантюристский характер, как журнал “Тюрк Юрду”»³⁵.

Общине помогали также кашгарские купцы, приезжавшие по делам в Ленинград. Благодаря их помощи, в частности, купца Ахунбаева, в конце 1930 г. из Советского Союза бежал Бигеев. Так, Сали «прислал условное письмо, в котором просил оказать содействие в нелегальном переходе границы в Финляндию Бигееву Мусе и его (Сали. — *Р.Б.*) сестре Мариам Аляутдиновой, которая должна была прибыть к ним для этой цели из сел. Актуково (Н.-Новг. Край). Обвиняемый Айнетдинов по этому вопросу показывает: “Мариам должна была дожидаться срока, когда придёт человек из Финляндии для перевода через гр-цу Бигеева, в это время она должна была пойти к Хазрятю-Бигееву и вместе с ним уйти в Финляндию”»³⁶.

Бегство Бигеева послужило поводом для разгрома руководства мусульманской общины Ленинграда. В ночь на 16 февраля 1931 г. были арестованы 27 человек, в том числе имам-хатиб мечети Халеков, имам Басыров, жена и дети Бигеева, шурины Халекова Сулейман и Хус(с)ейн Батырбаевы, члены «двадцатки» при Соборной мечети. Органы ОГПУ завели следственное дело № 111999 «По обвинению националистической контр-революционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом и Басыровым Кемалем»³⁷.

В материалах следствия встречается фамилия одного известного человека, который, однако, не проходил по делу ни как обвиняемый, ни как свидетель. Один из фигурантов «дела Бигеева», Исмаил Салямов, помимо прочего, указывал: «Идеологию Бигеева разделяют муллы: Халиков, Басыров и Баязитов, они в своих проповедях осторожно, но проводят те же взгляды»³⁸. Бывший муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммад-Сафа Баязитов действительно проживал тогда в Ленинграде, но вёл жизнь малоприметную, посещал мечеть. Интересно, что его не арестовали в феврале 1931 г., хотя вышеприведённого упоминания в материалах следствия было вполне достаточно для этого. Изученные мной источники не позволяют сделать однозначных выводов о роли бывшего муфтия в «деле Бигеева»³⁹, сошлусь лишь на слова дочери Халекова Самии. Она вспоминала, как мать говорила ей: «Опасайся Баязитова, он нехороший человек, сделал зло твоему отцу»⁴⁰.

³⁴ Русский перевод книги см.: *Хайрутдинов А.Г.* Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. Ч. 1. Казань, 2000. С. 38–63.

³⁵ Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 380.

³⁶ Там же, л. 380–381.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 372.

³⁹ Баязитова арестовали в 1932 г. в Ленинграде и осудили на заключение в лагере на пять лет. После освобождения в 1936 г. он приехал в Казань, где вновь был арестован в 1937 г. и расстрелян.

⁴⁰ Интервью с С.Я. Халиковой. 10 января 2015 г. (личный архив автора).

Не выяснена роль и других лиц, проходивших по этому делу в качестве свидетелей — муэдзинов мечети Фатыха Юнусова и Самиуллы Ахтямова. Оба дали показания, недвусмысленно обвинив Халекова, Басырова и других фигурантов дела в антисоветской агитации. Так, Юнусов утверждал: «Мулла Халиков, в большинстве своём, посещал богатых татар, где бывают сборища по 10—15 чел. Халиков при этом говорит, что тюрок и татар угнетатели раньше и угнетают теперь. Нам, волго-уральским татарам, народам Средней Азии надо объединиться, иметь своё собственное государство, чтобы иметь свою национальную силу. Халиков очень красноречив, его всегда выслушивали с вниманием. Группа Халикова, как: Саямов, Еникеев, Тифитулин, Баймашев и друг., стоящие близь него, а также мулла Басыров, среди местных татар вели агитацию о недовольстве советской властью, говорили, что скоро будет война. Советской власти будет конец. Муллы Халиков и Басыров, когда посещали квартиры татар, занимались антисоветской агитацией: указывали, что советская власть преследует религию, давит население налогами, к татарам советская власть относится плохо, лишает их права голоса, не даёт работы»⁴¹.

Юнусову вторил Ахтямов (с 1935 г. имам-хатиб ленинградской Соборной мечети): «Бигеев нам известен как националист, он это высказывал во время проповедей. Муллы Халиков и Басыров являются его сторонниками, проповедовали т-же “бигеевские” взгляды... Все эти лица настроены враждебно к сов-власти, завоевали себе авторитет среди татар, благодаря популярности Бигеева и всячески старались привить массе в целом чуждую националистическую идеологию, прикрываясь обычаями религиозного характера»⁴².

«Среди татарской колонии Ленинграда, — указывалось в обвинительном заключении по следственному делу № 111999, — существовала националистическая контр-революционная группировка, организационно объединившаяся вокруг ленинградской мечети, возглавляемая мусульманским духовенством. Основная руководящая роль в этой группировке принадлежала бежавшему в ноябре месяце 1930 года за границу известному пантюркисту, мусульманскому богослову — Бигееву Муса Джарулла, идеологу басмачества в Средней Азии, за что неоднократно был судим органами ОГПУ. После его побега за границу, руководящая роль в националистической организации перешла в руки ближайших его сторонников мулл Халикова Якуба и Басырова Кемалья. Эти муллы, группируя вокруг себя единомышленников националистической к.-р. идеологии из активных прихожан мечети (членов 20-тки и торгашеский элемент, имевший связи с татарской эмиграцией в Финляндии), маскируясь отправлением религиозных обрядов, занимались антисоветской агитацией»⁴³. Кроме того, Халеков обвинялся в том, что «в своей антисоветской агитации проводил установки зарубежного к.-р. националистического центра Восточной эмиграции, покровительствовал побегу за границу Бигеева»⁴⁴.

Из 27 арестованных по «делу Бигеева» постановлением Коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. 23 человека были приговорены к разным срокам заключения, Халеков и Басыров отправлены в концлагерь сроком на 10 лет (первый по ст. 58—4 и 17—84, второй — по ст. 58—4 и 58—6 УК РСФСР). Жену Бигеева

⁴¹ Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 373—374.

⁴² Там же, л. 374.

⁴³ Там же, л. 368—369.

⁴⁴ Там же, л. 384.

Асьму-ханум и детей — Ахмеда, Мариам и Хинд — на три года выслали из Ленинграда⁴⁵.

Не все проходившие по «делу Бигеева» в качестве обвиняемых или свидетелей вели себя достойно. Но тактику поведения Халекова на следствии можно назвать оптимальной: отвечая на вопросы следователя, он не называл конкретных имён: «Вопр[ос]: Назовите мне сторонников Бигеева, его ученья и взглядов, “группирующих около него”. Отв[ет]: Влияние Бигеева распространяется на всю татарскую массу, его речи всегда являются авторитетными, неоспоримыми и воспринимаются массой как долженствующая истина»⁴⁶.

Дав признательные показания, Халеков ограничился общими формулировками: «Работая вместе с Бигеевым в мечети и разделяя идеологию Бигеева, по сути дела, антисоветскую и националистическую, я совершал преступления перед соввластью, делал я это под влиянием научного авторитета Бигеева, его популярности среди татар»⁴⁷. При этом во время одного из допросов он указал, что слова и действия Бигеева не представляли угрозы для власти: «Но говорит он (Бигеев. — *Р.Б.*) очень туманно, так что культурно отсталый татарин вряд ли поймёт его речи. Всегда Бигеев проповедовал панисламизм, опираясь на плохое положение ислама в Индии, говорил ещё так, что религия падает по вине самого народа, надо самим держаться за религию»⁴⁸. Иными словами, Халеков подчёркивал, что слова бывшего имам-хатиба при всём его авторитете среди мусульман были недоступны большинству верующих, говоря же о тяжёлом положении мусульман, Бигеев имел в виду Британскую Индию.

Петербургский краевед А.Н. Тагирджанова, утверждает, что своим бегством Бигеев спас собственную семью⁴⁹. Не берусь предполагать, какой была бы судьба семьи Мусы-эфенди, останься он в СССР. Не вызывает сомнения, что сам он был бы рано или поздно уничтожен советской властью. Что касается ближайших друзей и коллег Бигеева — имамов Халекова, Басырова, члена «двадцатки» Баймашева и др., — следует выдвинуть гипотезу, что им вряд ли бы удалось избежать ареста. Органы ОГПУ воспользовались бегством Бигеева, чтобы разгромить мусульманскую общину Ленинграда. Это, в свою очередь, создало предпосылки для сворачивания в городе в 1930-х гг. религиозной активности.

В 1937 г. имам Халеков был досрочно освобождён из Беломорско-Балтийского комбината НКВД, где он работал на строительстве канала. В самом лагере Якуб-хазрат был осуждён по ст. 58—10 на два года содержания в штрафном изоляторе⁵⁰.

Нет точных данных, где поселился имам Халеков после освобождения из лагеря. Известно лишь, что после войны он уже проживал в Ташкенте⁵¹. Сюда к нему в 1946 г. приехали его дочери Асия и Самия, поступившие в Среднеазиатский государственный университет. Но отношения дочерей с отцом по-видимому не сложились⁵² — у Халекова уже была другая жена, имени которой пока не удалось установить.

⁴⁵ Там же, л. 392—393.

⁴⁶ Там же. Протокол допроса Халекова Я.К. от 22 февр. 1931 г., л. 142.

⁴⁷ Там же. Дело Бигеева, л. 375.

⁴⁸ Там же. Протокол допроса Халекова Я.К. от 22 февр. 1931 г., л. 142.

⁴⁹ Тагирджанова А.Н. Памяти выдающегося татарского философа-богослова Мусы Биги (1873—1949) (URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/tagirjan.htm>. Дата обращения: 1.08.2016).

⁵⁰ Справка об освобождении Я.К. Халикова от 22 июня 1937 г. (личный архив автора).

⁵¹ Там же. Интервью с С.Я. Халиковой, 10 января 2015 г.

⁵² Там же.

В 1947–1948 гг. по приглашению нижегородского татарина Якуба Ибрагимова, уроженца села Большое Рыбушкино, Халеков переехал из Ташкента в Орехово-Зуево⁵³. К тому времени в этом подмосковном городке существовала небольшая татарская община, возникшая ещё в конце XIX в. и состоявшая по преимуществу из выходцев из нижегородских сёл⁵⁴. В послевоенное время татары компактно проживали в районе Новая Стройка. Отец Ибрагимова, занимавшийся торговлей, был знаком с имамом Халековым по Ленинграду и жил с многочисленной семьёй на 8-й улице Новой Стройки, в большом деревянном доме, как и многие другие татары⁵⁵.

Вскоре к Халекову из Ташкента приехала жена, и они перебрались в дом к другому старожилу Орехово-Зуева – Азизу Аюпову⁵⁶. По воспоминаниям его внука Максуда (в те годы 6–7-летнему), Халеков «был среднего роста, нормального телосложения, имел скорее округлое лицо, без бороды и усов, которые он, кажется, сбрил, с залысинами на голове, носил длинное белое одеяние»⁵⁷. В 1949 г. татарская община собрала деньги и купила Якубу-хазрату и его жене у татарина Абдулхая часть одного из домов на 3-й улице Новой Стройки⁵⁸.

Мечети в Орехово-Зуеве тогда не было, и религиозные обряды осуществляли несколько старожил, имевших начальное или среднее исламское образование. Одним из таких неофициальных мулл и стал Халеков. Он проводил пятничный намаз зимой и в ненастную погоду в доме одного из верующих, а летом – в чистом поле⁵⁹. По воспоминаниям внучки А. Аюпова Алии, «накануне праздников Рамадана и Курбан-байрама, за 2–3 дня до самого праздника, муллы ходили по домам членов татарской общины и читали молитву. Благо, у всех двери были открыты, люди продолжали жить и общаться, как в хорошо знакомой им деревне, и у нас не было даже телефонов (в случае крайней нужды шли звонить на почту “в город”, т.е. в городскую часть Орехово-Зуева). Якуб-хазрат обходил в основном дома, расположенные в районе 6–8 улиц, а, например, на 5-ю улицу приходил читать Казан-бабай – так называли другого “народного” муллу Шакирджана Рахматуллина»⁶⁰.

Скончался Халеков 2 марта 1950 г. и был похоронен на старом татарском кладбище. Его могила не сохранилась. Вскоре после смерти Якуба-хазрата его жена уехала в Среднюю Азию (её дальнейшая судьба неизвестна).

Заключением Военной прокуратуры Ленинградского военного округа от 29 сентября 1989 г. Халеков был посмертно реабилитирован⁶¹. После него не осталось богословских сочинений. Он был скорее практиком, чем теоретиком. Но время, в которое он жил, зачастую требовало именно таких людей. Так получилось, что куда бы ни забрасывала Халекова судьба, всюду он оказывался на своём месте.

⁵³ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г.

⁵⁴ *Баутдинов Г.* Ореховские татары (URL: <http://islam-ozuevo.ru/history/>). Дата обращения: 1.08.2016).

⁵⁵ Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г. (личный архив автора).

⁵⁶ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 3 ноября 2015 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г.

⁶⁰ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 19 ноября 2015 г.

⁶¹ Архив Центра «Возвращённые имена»... Заключение по материалам архивного уголовного дела № П-74704 о признании подвергшихся политической репрессии и реабилитации. 28 марта 2006 г.